

УДК 82-97: 81'42

«ЭМЕНДАЦИЯ» БИБЛЕЙСКОГО ТЕКСТА У КЛИМЕНТА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

Александр Юрьевич Братухин

к. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. Bratucho@yandex.ru

В статье рассматривается методика исправления Климентом Александрийским используемых им библейских цитат. Высказывается предположение, что осуществляемое христианским автором «корректирование» Священного Писания заключается не только в лексико-грамматической правке, но и в нарочитом помещении в библейские пассажи слов, вызывающих ассоциации с произведениями античной литературы. Так, предпочтение Климентом слова βελόνη «игла» объясняется не только «аттическим» обликом этого слова, но и его использованием в похожем контексте у автора, которого Климент отождествил с известным античным комедиографом. Замена новозаветного слова κράββατος (которое Климент нигде не использует) не очень распространенным σκίμπτους «ложе» объясняется наличием последнего у врача Галена во фразе, напоминающей евангельскую. Климент достаточно последовательно «исправляет» библейский текст, ориентируясь как на классические образцы, так и на обычаи своего времени. Заимствованные Климентом у классиков образы, словосочетания и отдельные слова делали его сочинения приемлемыми для языческой аудитории. В результате библейские цитаты либо оказываются в окружении классических реминисценций, либо превращаются в некие библейско-классические гибриды, случайность появления которых допустить сложно, учитывая принадлежность Клиmenta к античной культуре.

Ключевые слова: Климент Александрийский; Библия; античная литература; исправление текста.

Переводы Священного Писания заметно отличались от произведений классической литературы «необработанностью» слога. Это признавали сами христианские авторы, в частности Блаженный Иероним (*Hier.* Ep. 22, 30 [Блаженный Иероним 1997: 44, 97]). Следует заметить, что «необработанность» эта является кажущейся. По мнению А. В. Вдовиченко, она объясняется тем, что библейский греческий язык представлял собою «литературный нормативный традиционный эпический язык грекоговорящей иудейской диаспоры» [Вдовиченко 2002: 194], принципиально отличавшийся от классического греческого. С выходом христианства за пределы этой диаспоры, лишь представители которой понимали причины подобного отличия, проблема «нелитературности» сакральных текстов стала волновать церковных писателей. Приведем несколько примеров «исправления» цитируемого библейского текста Титом Флавием Климентом. Эти изменения касались не только лексики, но и порядка слов и их грамматической формы.

Замена слов. В Евангелии от Матфея сказано: «**Не входящее** (οὐ τὸ εἰσερχόμενον) во уста сквернитъ человека: но **исходящее** изъ устъ (τὸ ἐκπορευόμενον ἐκ τοῦ στόματος) <...>» (*Мф.* 15:11). У Клиmenta причастия τὸ εἰσερχόμενον и τὸ ἐκπορευόμενον заменены причастиями τὰ εἰσιόντα и τὰ ἐξιόντα соответственно и отсутствует предлог ἐκ (*Paed.* II, 1, 8, 4; ср.: II, 6, 49, 1; здесь и далее ссылки на греческие и латинские источники даются согласно *Thesaurus Linguae Graecae*). Объяснение такой ревизии текста лежит на поверхности: формы εἰσερχόμενον и ἐκπορευόμενον в качестве субстантивированных причастий в классической литературе, как правило, не употреблялись, в то время как формы εἰσιόντα и ἐξιόντα в таком качестве не были редкостью: «Природа эта по сути своей такова, что принимает любые оттиски, находясь в движении и меняя формы под действием того, что в нее входит, и потому кажется, будто она в разное время бывает разной; а входящие в нее и

выходящие (τὰ δ' εἰσιόντα καὶ ἐξιόντα) из нее вещи – это подражания вечносущему <...>» (*Plat. Tim.* 50c, пер. С. С. Аверинцева). Заметим, что при цитировании указанного евангельского отрывка в *Paed.* II, 1, 16, 3 и в *Strom.* II, 11, 50, 2 Климент использует форму того же причастия, что и св. Матфей, только во множественном числе – εἰσερχόμενα [Barnard 1899: 19]; в *Strom.* II, 11, 50, 2 библейское ἐκπορευόμενον заменено на ἐξερχόμενα.

Замена слов с добавлением. Климент в цитируемом им библейском тексте – «Не желай вращенъ ѣгѡ: сѣа во ѣмѣтъ живѡтъ (ζωῆς) лѡженъ» (*Притч.* 23:3) – заменяет слово ζωῆ синонимом βίος, местоимение ѣгѡ – субстантивированным прилагательным «богатых», после слова лѡженъ добавляет сочетание «и позорен» (*Cl. Al. Paed.* II, 1, 4, 2). В Септуагинте, древнегреческом переводе Библии, слово ζωῆ среди прочих имеет значение «образ жизни» (way of life) [Lust, Eynikel, Hauspie 1992: 195]. Однако в классическом греческом, согласно LSJ, слово βίος означает не «animal life» (как ζωῆ), а «mode of life» [Liddell, Scott, Jones 1996: 316]. Слово αἰσχρός «позорный» (добавленное Климентом) и слово βίος появляются рядом у Платона (*Gorg.* 494e), Менандра (*Fr.* 756/738), врачей Галена (*De usu partium.* III, 335) и Аретея (*De causis et signis acutorum morborum.* II, 2, 1). Изменение Климентом слова на более подходящее в данном контексте, вероятно, вызвало и добавление прилагательного. Заметим, что слово «жизнь» является переводом еврейского слова לחם [lehem] со значением «хлеб, пища».

Изменение порядка слов. Цитируя/парафразируя Евангелие от Матфея (*Мф.* 19:21), Климент сохраняет параллельную конструкцию евангелиста «продáждь ѣмѣнѣ твоѣ, ѣ дáждь нѣщымъ» в *Strom.* III, 6, 55, 2 и IV, 6, 28, 6 и в *Paed.* III, 6, 34, 3. Однако в *Paed.* II, 3, 36, 2 он заменяет ее на хиазм: «Из-за этого Господь и говорит: продáждь ѣмѣнѣ твоѣ ѣ нѣщымъ дáждь <...>» [Barnard 1899: 23–24]. Подобное преобразование библейского текста александрийский автор осуществляет и в иных случаях. Передавая слова апостола Павла «Добрѡ не ѣсти мáсъ, ниже пѣти бѣнá» (*Рим.* 14: 21), он также изменяет их последовательность: «<...> Добрѡ не ѣсти мáсъ, ниже бѣнá пѣти, признает и сам <апостол>, и пифагорейцы» (*Paed.* II, 1, 11, 1).

Изменение грамматической формы слова. Очень часто в сочинениях Климента обнаруживается использование иной глагольной или

именной формы, чем в цитируемой фразе. При сопоставлении с классическими текстами такое изменение, как правило, становится легко объяснимым. Так, в Евангелии от Луки Христос говорит: «Нѡ ѣгдá звáнъ бѣдѣши <...> сáди (ἀνάπεσε) нá послѣднемъ мѣстѣ» (*Лк.* 14:8, 10). Климент императив аориста заменяет императивом презенса ἀνάπιπτε (*Paed.* II, 1, 4, 5). Форма ἀνάπεσε не встречается за пределами библейских текстов, тогда как форму ἀνάπιπτε находим и у языческих авторов.

Говоря о смешении в цитатах александрийского автора разных библейских текстов и о помещении в них его собственных слов, немецкий ученый Герман Кутгер делает вывод, что «Климент цитирует по памяти» [Kutter 1897: 42]. Однако в приведенных выше и подобных им пассажах отступления от оригинала следует, вероятно, объяснять не ошибкой Тита Флавия, а его ориентированием на классические греческие образцы. «Климент может также умышленно изменять форму цитаты, чтобы подчеркнуть свое понимание текста или для догматических целей» [Cosaert 2008: 29].

Описываемая ситуация неоднократно исследовалась и комментировалась учеными. Уже в начале XX в. К. Р. Грегори писал: «Когда образованные люди начали проявлять интерес к христианству, когда чтение этих текстов сделалось важной частью церковных служб, стало необходимым, чтобы искусная рука сгладила языковую неотделанность (the linguistic roughnesses) и сделала текст, если не добротным, то, по крайней мере, лучшим, чем он был» [Gregory 1907: 494]. В середине XX в. Е. Л. Тайтус посвящает в своей небольшой работе один из разделов анализу стилистических изменений в новозаветных текстах у свмч. Иустина и Климента Александрийского [Titus 1945: 17–19]. В частности, по словам американского ученого, в «Педагоге» Климент употребляет «более изысканное выражение (the more elegant expression)» [ibid.: 19], заменяя словом σκίμτους «кровать на низких ножках» новозаветное слово κράββατος: «Спаситель говорит расслабленному (παρεμένω): Встань, взяв ложе, на котором лежишь, иди домой» (ἀνάστα τὸν σκίμποδα ἐφ' ὃν κατάκεισαι λαβὼν ἄπιθι οἴκαδε) (*Paed.* I, 2, 6, 3). В этой связи любопытен рассказ Созомена, который приводит Тайтус [ibid.: 17]. Церковный историк сообщает, что епископ Трифиллий, на которого была возложена обязанность учить народ на собрании, цитируя евангельский текст ἄρὸν σου τὸν

κράββατον καὶ περιπάτει «возмѣ ѿдръ твоѣ, ѿ ходѣ» (ср.: *Ин.* 5:8), заменил слово κράββατος словом σκίμπους. Другой епископ, Спиридон, вознегодовав, сказал: «Неужели ты лучше Того, Кто сказал κράββατος, раз ты стыдишься пользоваться Его словами?» (*Soz.* Н. Е. I, 11, 9). Тайтус приводит также два примера, когда Климент выбирает «более классическое выражение» [Titus 1945: 19]. 1. Так, форму χορτασθήσονται насытатца (*Мф.* 5:6) (от глагола χορτάζειν, который в классическом греческом имел значение «кормить скот») Тит Флавий заменяет формой ἐμπλησθήσονται (*Ес.* 14, 4) от глагола ἐμπιπλάω, встречающегося, например, в *Лк.* 1:53: ἀλχῆσι μὴ σπόλλι βλάγη. 2. В сочинении *Quis dives.* 4, 9 александрийский автор, если судить по употреблению слов τρυμαλία «отверстие», цитирует *Мк.* 10:25. Однако вместо слова ῥαφίς «игла» он использует вслед за апостолом (*Лк.* 18:25) менее редкое слово βελόνη «острие, игла»: «легче (букв. легко) через отверстие иглы (διὰ τῆς τρυμαλιᾶς τῆς βελόνης) верблюд пройдет, чем богатый <войдет> в Царствие Божие». Ср.: ὡδὸ βῆτε βοῆς τε βελβῆδῶς σκβοζῆς ἡγγινηῆς ὡψι (διὰ [τῆς] τρυμαλιᾶς [τῆς] ῥαφίδος) проитῆ, нѣже богатыъ въ црѣтвѣе вѣжѣе вни҃ти (*Мк.* 10:25). В *Мф.* 19:24 – διὰ τρυπήματος ῥαφίδος, в *Лк.* 18:25 – διὰ τρήματος βελόνης.

По нашему мнению, понятие «стилистическое изменение (stylistic variation)» [Titus 1945: 17], предлагаемое Тайтусом для подобных отступлений христианских авторов от оригинального текста, следует несколько расширить. Речь должна идти не просто о лексической и грамматической коррекции цитируемого текста в интересах придания ему большей литературности и приведения его в соответствие нормам классического греческого языка, а о нарочитом преобразовании библейских цитат в миссионерских целях. Недаром Рюве называет Климента «эрудитом», «апостолом» (un érudit, un apôtre) и «человеком Церкви» [Ruwet 1948: 80, 81, 84] именно в такой последовательности. Это изменение было сопряжено с включением в ветхо- и новозаветные цитаты слов, вызывавших ассоциации с известными античными текстами для придания создаваемым пассажам узнаваемого и привлекательного для образованных язычников вида.

Рассмотрим приведенные Тайтусом фрагменты. Замена более древнего, по словам свт. Фотия (*Bibl. Codex* 279, 533b), слова ῥαφίς словом βελόνη представляется неслучайной. В *Strom.* V,

14, 119, 2–120, 2 Климент приводит две протяженные цитаты, которые он приписывает комедиографу Менандру. В первой из них после слов о том, что заблуждается тот, кто считает, будто богатством жертв он заслужит благоволение божества, и о том, что необходимо доказать свою непричастность к растлению дев и жен, к воровству и убийству ради корысти, содержится призыв к Памфилу: «Не пожелай даже игольной петли (μηδ' βελόνης ἔναμμα ἐπιθυμῆσης, [Πάμ]φιλε)» [*Men. Fr.* 683]. Этот же фрагмент, автором которого назван Филимон, в несколько ином виде содержится в трактате Псевдо-Иустина (*De monag.* 106c-e). Приведенная выше строчка здесь выглядит так: «Не пожелай ни одной игольной петли (μηδ' βελόνης ἐν ἄμμ' ἐπιθυμῆσης, Πάμφιλε)». Первые слова во второй цитате (отсутствующие у Псевдо-Иустина) – «И иглы (βελόνης), о дражайший, не пожелай никогда чужой» (*Strom.* V, 14, 120, 2). Евсевий Кесарийский, приводя всю четырнадцатую главу пятой книги «Стромат» (*Praeparatio Euangelica.* XIII, 13, 45–46), цитирует и упомянутые стихи Менандра/Филимона.

Кроме *Quis dives.* 4, 9, Климент трижды обращается к притче о верблюде. 1. В *Strom.* II, 5, 22, 3 говорится о необходимости верить Писанию: скорее «верблюд через игольное отверстие (διὰ τρυπήματος βελόνης)» пройдет, чем богатый будет философствовать. (Об этом см.: [Titus 1945: 27].) В *Мф.* 19:24 – διὰ τρυπήματος (вариант: τρήματος) ῥαφίδος. 2. В *Quis dives.* 26, 7 Климент заявляет: «<...> быстрее верблюд через иглу (διὰ βελόνης) пройдет, чем таковой богатый в Царствие Божие войдет». 3. Климент не забывает и слово ῥαφίς: «легче верблюд через игольное отверстие пройдет (διὰ τρήματος ῥαφίδος), чем богатый – в Царство Небесное» (*Quis dives.* 2, 2). Итак, александрийский автор всего пять раз использует слово βελόνη. Два раза – в цитате против корысти из «Менандра» и трижды – в пересказе притчи о богатом; «ушко» либо опускается, либо для его обозначения используются слова τρυπήμα (как в *Мф.* 19:24), τρυμαλία (как в *Мк.* 10:25) и τρήμα (как в *Лк.* 18:25). Предпочтение βελόνη, как кажется, можно объяснить не только «аттическим» (ср.: *Phrynichus.* *Praeparatio sophistica.* 72) обликом этого слова, но и его использованием в похожем контексте у автора, которого Климент отождествил с известным античным комедиографом. Заметим, что в *Quis dives* Климент сначала употребляет слово ῥαφίς (2, 2; ср.: *Мф.* 19:24 *Мк.* 10:25), затем (4, 9 и 26,

7; ср.: Лк. 18:25) – βελόνη. Таким образом, он переходит от новозаветного слова к нужному ему «классическому». Подобным образом он поступает при создании игры слов в «Пророческих эклогах» (*Clem.Alex. Eccl. 25, 1–4*). «В середине этого пассажа Климент чувствует необходимым использовать для обозначения пшеницы слово πυρός вместо термина Матфея» [Itter 2009: 133], т.е. слова σῖτος «хлеб» (*Мф. 3:12*).

Замена новозаветного слова κράββατος (которое Климент нигде не использует) словом σκίμπος также заслуживает подробного анализа. В *Paed. I, 2, 6, 3*, как было сказано, Климент пишет: «Спаситель говорит расслабленному (παρεϊμένω, в Евангелиях – παραλυτικός): Встань, взяв ложе, на котором лежишь, иди домой» (ἀνάστα τὸν σκίμποδα ἐφ’ ὃν κατάκεισαι λαβὼν ἅπιθι οἴκαδε). В Евангелиях эта фраза имеет иной вид: ἐγερθεὶς ἄρον σου τὴν κλίνην καὶ ὑπάγε εἰς τὸν οἶκόν σου» (*Мф. 9:6*), ἔγειρε ἄρον τὸν κράββατόν σου καὶ ὑπάγε εἰς τὸν οἶκόν σου» (*Мк. 2:11*), «ἔγειρε καὶ ἄρας τὸ κλινίδιον σου πορεύου εἰς τὸν οἶκόν σου» (*Лк. 5:24*). Следовательно, Климента не устраивает не только слово κράββατος, но и вполне «классическое» слово κλίνη / κλινίδιον.

Рассмотрим употребление Титом Флавием слов σκίμπος и κλίνη. Дважды Климент употребляет слово κλίνη в более или менее нейтральном контексте. **1.** Говоря о том, что различные открытия были сделаны варварами, Тит Флавий упоминает также изобретенную персами кровать (κλίνην) (*Strom. I, 16, 76, 7*). Впрочем, среди открытых наук и предметов в *Strom. I, 16* упомянуты и предосудительные: астрология, гадание по полету птиц, флейта (которую Климент в *Paed. II, 4, 41, 1* называет инструментом, годящимся лишь для идолопоклонников), краска для волос и др. **2.** Приводя примеры простоты домашней мебели и крайне неточно передавая слова «Одиссеи» (*Od. XXIII, 195–200*), он заменяет гомеровское λέχος словосочетанием νυμφίδιος κλίνη: «Одиссей же при помощи камня устранил шатание брачного ложа» (*Paed. II, 9, 78, 2*). Заметим, что у Гомера это ложе описывается как раз украшенным золотом, серебром и слоновой костью.

В большинстве случаев существительные с основой κλιν- появляются у Климента в контексте обличения роскоши. **1.** «Святой Дух через Амоса объявляет богатых сообразно с таковою <их> изнеженностью несчастными; восклицая,

Он говорит: Πιύψιι προϋβῆενοε βῖνδῖ и (Ам. 6:6) на ὄαρῖ ῶ κωστέῖ σλωноῦβυχῖ (ἐπὶ κλίνης ἐλεφαντίνης) (*Ам. 6:4*) лежащие, и прибавляет в качестве порицания соответствующие этому слову» (*Paed. II, 2, 30, 3*). **2.** «<...> Ложа же серебряные (κλιντήρες δ’ ἀργυροῖ) <...> и кровати на серебряных ножках (κλιναὶ τε ἀργυρόποδες), инкрустированные слоновой костью <...>, всё это должно быть <у нас> в пренебрежении как недостойное никаких забот» (*Paed. II, 3, 35, 3*). **3.** «Женподобного Сарданапала, царя ассирийцев, изображают сидящим высоко на ложе (ἐπὶ κλίνῃ) <...>» (*Paed. III, 11, 70, 3*). **4.** «<...> Чтобы сладко спать, не только мягкие кровати (τὰς κλίνας μαλθακάς), но и подставки под кровати (ταῖς κλίνας) приготавливаешь» (*Strom. II, 20, 107, 5*). **5.** Ложу, обозначаемому словом κλίνη, Климент предписывает быть простым и иметь гладкие ножки (*Paed. II, 9, 78, 4*). **6.** Человек, надеющийся скрыть во мраке свои грехи, изображается восходящим на κλίνη (*Paed. II, 10, 99, 3*). **7.** В *Paed. II, 3, 37, 3* Климент, утверждая, что «возлежание на кровати (σκίμπος) ничем не хуже, чем на ложе из слоновой кости (τῆς ἐλεφαντίνης κλίνης)», явно отдает предпочтение виду кроватей, обозначаемому им словом σκίμπος. Здесь можно вспомнить фрагмент из пьесы комедиографа Платона (конец V – 1-я пол. IV в.): «На ложах с ножками из слоновой кости (ἐν κλίνας ἐλεφαντόποσιν) и багряных покрывалах, / И на сардском пурпуре, украсившись, лежат» (*Plato Comicus. Fr. 208*).

Однако мы не можем утверждать, что Климент в евангельском парафразе предпочитает σκίμπος из-за скромности и простоты этого вида кровати. В *Prot. 4, 60, 2* читаем: «Лежа на кровати (κατὰ τοῦ σκίμπος), среди любовных объятий смотрят на нагую Афродиту, попавшую в узы во время соития». В *Paed. II, 9, 77, 3* кровати с серебряными ножками (οἱ ἀργυρόποδες σκίμπος) и бездушная слоновая кость в ложах (ἐν τοῖς κλινίδιοις) оказываются одинаково неподходящими для христиан.

Итак, мы видим, что Климент, полностью отказавшись от использования слова κράββατος как нелитературного, слово κλίνη, употребляемое им десять раз, и однокоренные слова κλιντήρ и κλινίδιον, встречающиеся у него по одному разу, в большинстве случаев употребляет в контексте осуждения изнеженности, надменности и тщеславия. При этом σκίμπος также не

является для александрийского автора символом аскетизма. Следовательно, появление у Тита Флавия этого слова в евангельском парафразе вместо κλίνη, κράββατος и κλινίδιον объясняется не предпочтением «классической» лексики «неклассической» (κλίνη и κλινίδιον встречаются у античных авторов) и не роскошью κλίνη и простотой σκίμπος.

На наш взгляд, появление лексемы σκίμπος вызвано ассоциациями, которые вызывало это слово. В античной литературе оно не является распространенным. Оно обозначало в том числе и походную кровать (*Xen. An. VI, 1, 4*). На σκίμπος лежал Сократ, когда к нему пришел Гиппократ, сын Аполлодора (*Plat. Prot. 310c*, единственное употребление этого слова у Платона). У Аристофана образ Сократа также оказывается связан со словом σκίμπος: хозяин «мыслильни» говорит Стрепсиаду: «Садись на священную кровать (ἐπὶ τὸν ἱερόν σκίμποδα)» (*Ar. Nub. 254*, ср.: 709–710). Выбор Климентом именно этого слова при передаче евангельских слов мог быть обусловлен связью его с образом великого греческого философа.

Σκίμπος довольно часто упоминает врач Гален, труды которого Климент, очевидно, читал. Гален указывает, что больного следует доставлять на кровати (ἐπὶ τοῦ σκίμποδος) в купальню (τὸ βαλανεῖον); приготовив для него теплое покрывало (σινδώνος), перенести на нем больного нагим в первое из трех помещений купальни. Четверо должны держать его, по одному с каждой стороны (*De methodo medendi. Lib. X. Vol. 10. 723 p.*).

Этот текст, если Климент его читал, не мог не вызвать ассоциации с евангельским повествованием, имеющим в *Мк. 2:3–4* такой вид: **И прїи́дѡша къ немѣ носѣще разсла́вленна, носїма четы́рми: <...> ѿ прокопѡвше съѣсиша ѡ́дръ** (τὸν κράββατον), **на немже разсла́вленный лежѡше**. См. также похожие места: *Мк. 6:55*, *Деян. 5:15*, *9:33*. Про парализованного, лежащего в купальне (κολυμβήθρα), говорится в *Ин. 5:8–11*. Таким образом, Тит Флавий, считая, очевидно, κλίνη кроватью, которая не годится для переноса больных, использует слово из медицинской практики своего времени. Даже если он не читал приведенный совет Галена, то не мог не знать, что переносную кровать следует называть словом σκίμπος. Корректировка евангельского текста здесь носит скорее характер не «стилистический», а «исторический».

Таким образом, Климент Александрийский достаточно последовательно «исправляет» библейский текст, ориентируясь как на классические образцы, так и на обычаи своего времени. Этот «апологетический» метод сродни его методике вставлять в свое повествование платоновские и иные реминисценции. Заимствованные у классиков образы, фразы, словосочетания и отдельные слова, использованные Климентом Александрийским, лаская слух утонченных читателей, делали его сочинение приемлемым для языческой аудитории. Так, в «Увещании к язычникам» (*Clem. Protr., 121, 1*) Климент при передаче евангельского сюжета (*Мф. 21:1–7*) берет образы из «Федры» Платона [*Butterworth 1916: 202*]. См.: [*Méhat 1966: 192*]. Некоторые исследователи говорят о риторическом использовании христианскими авторами даже языка мистерий (ср.: *Clem. Protr., 120, 1–2*) [*Répin 1986: 20*].

Показательным примером того, как Климент создавал тексты в «классическом» стиле, служит следующий фрагмент. «Пусть наше благорасположение во время пира (ἢ παρὰ πότον φιλοφροσύνη) будет двойным в соответствии с законом (κατὰ τὸν νόμον): ибо если возлюбши **Г҃а Б҃га твоегѡ** (*Мф. 22:37*), затем **їскреннегѡ твоегѡ** (*Мф. 22:39*), то первое благорасположение (φιλοφροσύνη) – к Богу – да будет выражаться через благодарение и пение псалмов, второе же – к ближнему – через благочестивую беседу (ὀμιλίας). Ибо **слѡво Господа да вселѣется въ васъ вога́тнѡ** (*Кол. 3:16*), – говорит апостол» (*Paed. II, 4, 43, 1*). Сопоставим эту фразу с платоновским рассуждением о пирах в «Законах (οἱ νόμοι)»: «Ныне же мы говорим не о вожде лагеря в собраниях (ὀμιλίας) мужей, борющихся с врагами на войне, но о <вожде> друзей, в мире разделяющих с друзьями благорасположение (φιλοφροσύνης)» (*Plat. Leges. I, 640b*). Таким образом, ссылка на Закон Моисеев косвенно намекает на «Законы» Платона, который, как и Климент, употребляет слово «благорасположение» в «пиршественном» контексте.

Отметим, что и в Новом Завете неоднократно встречаются античные цитаты: *Деян. 17: 28* – *Арат*, Феномены, 5; *Деян. 20:35* – *Фукидид*, II, 97, 4; *Деян. 26:14* — *Еврипид*, *Вакханки*, 794; *2 Петр. 2:22* – *Гераклит* (?); *1 Кор. 15:33* – *Менандр*, *Фаида*, 157(187)/218; *Тит. 1:12* – *Эпименид*, *Об оракулах* [*Aland 1987: 775*]. Можно привести примеры классических реминисценций и в Евангелии. Согласно Матфею, Христос сравнил людей, считавших постившегося Иоанна Крестителя имеющим беса, но осуждавших Его Самого

за трапезу с мытарями и грешниками, с детьми, которым говорят их товарищи: «πισκάχομζ βαμζ (ἠϋλήσαμεν), ἦ νεπλάσате (ὠρχήσασθε): πλάκαχομζ βαμζ (ἐθρηνήσαμεν), ἦ не рыдате (ἐκόψασθε)» (Мф. 11:17). Глагол αὐλεῖν «пискати» «играть на флейте» в «Септуагинте» не встречается; в Новом Завете он, кроме Мф. 11:17, употребляется в параллельном месте Лк. 7:32; в I Кор. 14:7 встречаем образованную от него форму причастия. Для сравнения: глагол ὀρχεῖσθαι «плясать» используется в Евангелиях три раза (Мф. 11:17 и Лк. 7:32 – о детях, Мф. 14:6 – об Иродиаде) и один раз – причастие от него (Мк. 6:22 – об Иродиаде) [Schmoller 1994: 72, 369]. Похожую фразу находим в 11-й басне Эзопа, которая касается людей, делающих всё всегда некстати. В ней рассказывается, как некий рыбак, играя на дудке, хотел привлечь этим рыб. Не добившись успеха, он забросил сеть и поймал много рыбы. Увидев, как они быются на берегу, он сказал: «о, негодные твари, когда я играл (ἠϋλουv), вы не танцевали (ὠρχεῖσθε), теперь же, когда я закончил, вы делаете это» (Aes. 11).

Слова Платона об иных вожделениях, которые захватили (κατέλαβον) у юноши оказавшийся пустым (κενήν) акрополь его души (τῆς ψυχῆς), приведенной в порядок (κατεκοσμήθη) после изгнания первых вожделений (Plat. Res. VIII, 560a–b), очень напоминают евангельские строки об изгнанном из человека нечистом духе, который возвращается в незанятый (σχολάζοντα), выметенный и убранный (κεκοσμημένον) дом, взяв (παράλαμβάνει) с собой семь других духов (Мф. 12:43–45). Таким образом, методика Климента, помещающего в свой текст яркие образы, слова и фразы из произведений античных писателей, многим отличается от методики новозаветных авторов и может свидетельствовать о непрекращающейся традиции использования христианами известных цитат и реминисценций для придания собственным трудам более приемлемого для язычников облика. Важно отметить, что Климент, очевидно, не только замечал подобные реминисценции, но и развивал их. Так в «Пророческих эклогах» он пишет: «<...> не следует опустошать душу (κενῶσαι τὴν ψυχὴν), но наполнять ее Богом. <...> Ибо «возвращается в очищенный дом и пустой (ἐπάνεισι γὰρ εἰς τὸν κεκαθαρωμένον οἶκον καὶ κενόν)», если ничего из спасительного не будет предложено, живший <там> ранее нечистый дух, взявший с собой других семь нечистых духов. Поэтому нужно, очистив (κενώσαντας) душу (τὴν ψυχὴν) от зла, напол-

нить <ее>, являющуюся избранным жилищем, благим Богом. Ибо, когда пустое будет заполнено, тогда следует печать, дабы святое было берегаемо для Бога (φυλάσσηται τῷ θεῷ)» (Ecl. 12, 6–9). Мы видим, что Климент, цитируя Евангелие, делает платоновскую реминисценцию более узнаваемой: Матфей писал об изгнании нечистого духа из человека, Климент вслед за Платоном говорит об изгнании беса из души; у апостола «дом» назван «незанятым», у Климента, как и у Платона, – «пустым». Древнегреческий философ, объясняя захват вожделениями акрополя души, говорит: «Нет там ни знаний, ни хороших навыков, ни правдивых речей – всех этих лучших защитников и стражей (φύλακες) рассудка людей, любезных богам (θεοφιλῶν)» (Res. VIII, 560b, пер. А. Н. Егунова). Похожим образом заканчивает свою двенадцатую эклогу и Климент. Евангелист в миссионерских целях для придания своему тексту «классического» облика прибегает к платоновской реминисценции; Климент Александрийский, для которого, по словам Дж. В. Баттерворта, христианская традиция имела два первоисточника (fountain-heads) – Израиль (пророков) и Грецию (философов) [Butterworth 1915: 69], подхватывает эту эстафету.

Клод Мондезер, выделив пять подходов (sens) Климента к интерпретации Писания («исторический», «теоретический», «пророческий», «философский», «мистический»), в завершение упомянул еще один, «сопряженный с подбором <подходящих слов> (accommodé)». Французский ученый пишет: «<...> [У Климента] используется такое слово, такое выражение, даже такая фраза, *per modum expressionis*, без какого-либо внимания к особой авторитетности текста, к его собственному смыслу и еще менее к его контексту, но исключительно по причине экспрессивной окраски его значения (valeur expressive) для обсуждения предмета, не без искусственности, с умыслом, без страха его изменить или истолковать неправильно или в противоположном смысле. <...> Климент не отказывается от этого использования <текстов>, он обращается к Платону и Гомеру, так же как сам Платон обращался к Гомеру; Библия стала частью его “классиков”» [Mondésert 1944: 162]. Учитывая сказанное выше, можно дополнить Мондезера, отметив, что Климент позволяет себе вставлять выразительное слово или словосочетание не только в свой собственный, но и в цитируемый библейский текст.

С самого начала Климент демонстрирует свой принцип создания текста, складывающегося, как мозаика, из классических и библейских цитат,

парафразов, реминисценций, которые, как замечает Брамбилласка, не были элементами, внешними для концепции и литературного плана произведений [Brambillasca 1972: 10]. Андре Меа пишет, что Климентовы «Строматы» «по большей части суть компилятивный труд (un ouvrage de compilation)» [Méhat 1966: 179]. Такой подход александрийского автора трудно объяснить одним лишь желанием «олитературить» Священное Писание. Ведь пассажи из него не просто подвергаются лексико-грамматической правке, а превращаются в некие библейско-классические гибриды, случайность появления которых допустить достаточно сложно, учитывая погруженность Климента в античную культуру и естественность использования им классического наследия.

Итак, по нашему мнению, «исправление» Климентом библейских цитат было вызвано стремлением не только придать им более литературный облик, но сконструировать текст, внешне напоминающий произведения классической древнегреческой литературы.

Список литературы

Блаженный Иероним. О сохранении девственности / пер. с лат., статья и прим. В. С. Дурова. СПб.: РХГИ, 1997. 107 с.

Вдовиченко А. В. Дискурс–текст–слово. Статьи по истории, библеистике, лингвистике, философии языка. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 2002. 288 с.

Aland K. Novum Testamentum. Graece et Latine / edd. K. Aland et alii. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1987.44*. 779 p.

Barnard P. M. The biblical text of Clement of Alexandria in the four Gospels and the Acts of the Apostles. Cambridge: At the University Press, 1899. P. 2–64.

Brambillasca G. Citations de l'Écriture Sainte et des auteurs classiques dans le Protreptikōj prōj "Éllhnaj de Clément d'Alexandrie // *Studia patristica.* 1972. Vol. 11, part 2. P. 8–12.

Butterworth G. W. Clement of Alexandria and art // *The Journal of theological studies.* 1915. Vol. 17, №65. P. 68–76.

Butterworth G. W. Clement of Alexandria's "Protrepticus" and the "Phaedrus" of Plato // *The Classical Quarterly.* 1916. Vol. 10, №4. P. 198–205.

Cosaert C. P. The text of the Gospels in Clement of Alexandria // *New Testament and the Greek Fathers.* 2008. №9, XIV. 370 p.

Gregory C. R. Canon and text of the New Testament. N.Y.: Charles Scribners' Sons, 1907. 539 p.

Itter A. C. Esoteric teaching in the *Stromateis* of Clement of Alexandria. Leiden, Boston: Brill, 2009. XIX. 233 p.

Liddell H.G., Scott R., Jones H.S. A Greek-English Lexicon / Compiled by H. G. Liddell and R. Scott, revised and augmented throughout by H. S. Jones. Oxford: Clarendon Press, 1996. XXXI. 2042 p.

Lust J., Eynikel E., Hauspie K. A Greek-English Lexicon of the Septuagint / Compiled by J. Lust, E. Eynikel, K. Hauspie with the collaboration of G. Chamberlain. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft. Part I. 1992. LIII. 217 p.

Kutter H. Clemens Alexandrinus und das Neue Testament. Giessen: J. Ricker'sche Buchhandlung, 1897. 152 S.

Méhat A. Étude sur les 'Stromates' de Clément d'Alexandrie. P.: Editions du Seuil, 1966. 580 p.

Mondésert C. Clément d'Alexandrie. Introduction à l'étude de sa pensée religieuse à partir de l'Écriture. P.: Aubier, Éditions Montaigne, 1944. 278 p.

Pépin J. Christianisme et mythologie. Jugements chrétiens sur les analogies du paganisme et du christianisme // *De la philosophie ancienne à la théologie patristique.* Variorum reprints. VIII. L., 1986.

Ruwet J. Clément d'Alexandrie. Canon des Écritures et apocryphes // *Biblica.* 1948. Vol. 29, fasc. 1–2. P. 77–99.

Schmoller A. Handkonkordanz zum griechischen Neuen Testament. Stuttgart, 1994. 534 S.

Thesaurus Linguae Graecae // MUSAIOS. Version 1.0d-32. Copyright © 1992–1995 by Darl J. Dumont and Randall M. Smith.

Titus E. L. The motivation of changes made in the New Testament text by Justin Martyr and Clement of Alexandria. Chicago, 1945. 29 p.

References

Barnard P. M. The biblical text of Clement of Alexandria in the four Gospels and the Acts of the Apostles. Cambridge, University press, 1899. P. 2–64.

Brambillasca G. Citations de l'Écriture Sainte et des auteurs classiques dans le Protreptikōj prōj "Éllhnaj de Clément d'Alexandrie [Citations from the Holy Scripture and the classic authors in the *Exhortation to the gentiles* of Clement of Alexandria]. *Studia patristica.* 1972. Vol. 11, part 2. P. 8–12.

Butterworth G. W. Clement of Alexandria and art. *The Journal of theological studies.* 1915. Vol. 17, №65. P. 68–76.

Butterworth G. W. Clement of Alexandria's "Protrepticus" and the "Phaedrus" of Plato. *The Classical Quarterly.* 1916. Vol. 10, №4. P. 198–205.

Cosaert C. P. The text of the Gospels in Clement of Alexandria. New Testament and the Greek Fathers. 2008. №9, XIV. 370 p.

Gregory C. R. Canon and text of the New Testament. New York, Charles Scribners' Sons, 1907. 539 p.

Itter A. C. Esoteric teaching in the *Stromateis* of Clement of Alexandria. Leiden, Boston: Brill, 2009. XIX. 233 p.

Kutter H. Clemens Alexandrinus und das Neue Testament [Clement of Alexandria and the New Testament]. Giessen, J. Ricker'sche Buchhandlung, 1897. 152 S.

Liddell H. G., Scott R., Jones H.S. A Greek-English Lexicon. Compiled by H. G. Liddell and R. Scott, revised and augmented throughout by H. S. Jones. Oxford, Clarendon Press, 1996. XXXI, 2042 p.

Lust J., Eynikel E., Hauspie K. A Greek-English Lexicon of the Septuagint. Compiled by J. Lust, E. Eynikel, K. Hauspie with the collaboration of G. Chamberlain. Stuttgart, Deutsche Bibelgesellschaft. Part I. 1992. LIII. 217 p.

Méhat A. Étude sur les 'Stromates' de Clément d'Alexandrie [Investigation on "Stromates" of Clement of Alexandria]. Paris, Editions du Seuil, 1966. 580 p.

Mondésert C. Clément d'Alexandrie. Introduction à l'étude de sa pensée religieuse à partir de

l'Écriture [Clement of Alexandria. Introduction to the investigation of his religious thought starting from the Scripture]. Paris, Aubier, Éditions Montaigne, 1944. 278 p.

Pépin J. Christianisme et mythologie. Jugements chrétiens sur les analogies du paganisme et du christianisme [Christianity and mythology. Christian thinking about the analogies of paganism and Christianity]. De la philosophie ancienne à la théologie patristique [From Ancient Philosophy to the Patristic theology]. Variorum reprints. VIII. London, 1986.

Ruwet J. Clément d'Alexandrie. Canon des Écritures et apocryphes [Clement of Alexandria. Canon of Scriptures and apocrypha]. Biblica. 1948. Vol. 29, fasc. 1–2. P. 77–99.

Schmoller A. Handkonkordanz zum griechischen Neuen Testament [Pocket Concordance to the Greek New Testament]. Stuttgart, Deutsch Bibelgesellschaft, 1994. 534 S.

Titus E. L. The motivation of changes made in the New Testament text by Justin Martyr and Clement of Alexandria. Chicago, 1945. 29 p.

Vdovichenko A. V. Diskurs–tekst–slovo. Statji po istorii, bibleistike, lingvistike, filosofii jazyka [Discourse–text–word. Articles on history, bibleistic, linguistic, philosophy of language]. Moscow, The St.-Tikhon's Orthodox Theological Institute Publ., 2002. 288 p.

CLEMENT OF ALEXANDRIA'S "EMENDATION" OF THE BIBLICAL TEXT

Aleksandr Ju. Bratukhin

Associate Professor in the Department of World Literature and Culture
Perm State University

The article considers the method of emending quotations from the Bible used by Clement of Alexandria. It is assumed that the "correction" of the Holy Scriptures made by the Christian author consisted not only in correcting grammar and lexis, but also in deliberate placing words associated with works of antiquity into the Bible passages. For example, Clement preferred to use the word βελόνη (needle), which is explained not only by the "attic" character of this word, but also by the fact it had been used in a similar context by an author identified by Clement as a famous antique comedy dramatist. Substitution of the New Testament word κράββατος (which Clement doesn't use anywhere) for a not very common σκίμπτους (couch) is explained by the fact the latter had been used by the physician Galen in a phrase resembling evangelic one. Clement "emends" the Scriptures text rather consistently and in this activity he is guided by both classical examples and traditions of his time. The images, word combinations and words borrowed from classics make Clement's works acceptable for pagan readers. As a result, quotations from the Bible either find themselves among classical reminiscences or turn into some kind of scriptural-classical hybrids, which is impossible to regard as an accidental phenomenon considering Clement's belonging to classical culture.

Key words: Clement of Alexandria; Bible; classical literature; emendation of a text.